

Анатолий Богатых

Под уездной звездой

Анатолий Богатых
Под уездной звездой

«Э.РА»

2012

УДК 821. Богатых А. Д.
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6-5

Богатых А.

Под уездной звездой / А. Богатых — «Э.РА», 2012

Предлагаемая вниманию читателя книга – очень горькая и честная исповедь поэта, человека совестливого, остро чувствующего и осмысляющего не только нашу сегодняшнюю жизнь, но и многовековую жизнь отечества, которая в его стихотворениях не далёкое предание, не «дела давно минувших дней», а очень осязаемая, напрямую сопряжённая с современностью история. Россия, Жизнь, Совесть, Любовь, Честь, Слово для Анатолия Богатых – синонимы. Его творчество отличают пушкинская – и тайная, и явная, но неизменно присутствующая в его поэзии – свобода, предельная исповедальность и особая, завораживающая мелодичность стиха.

УДК 821. Богатых А. Д.
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6-5

© Богатых А., 2012
© Э.РА, 2012

Содержание

«В последней правде и в любви последней...»	6
«Не буди этот вечный и страшный покой...»	9
Под уездной звездой	10
«...Когда ушедший день зарёй обужен...»	10
«Бывает, молча куришь без огня...»	11
«Зачем живу, зачем плыву...»	12
«...В день Воскресенья, взрывая гробы...»	13
«Как живётся тебе на далёкой планете...»	14
«...Ещё потерь своих – на полпути...»	15
«...но почему-то...»	16
«У врат чистилища душа...»	17
Ночью	19
«...Теперь всё чаще представляю...»	20
«Наверное, счастлив, кто видит пейзаж за окном...»	21
В болезни	22
Котельнич	23
«...Закат. На земле темнеет. Небесные блещут блики...»	24
«Сон мне: тракт малоезжий, протяжен и дик...»	25
Часу в шестом	26
«...Две рюмки – похмелье, вареньице к чаю...»	27
«Всё о печали, друг мой, о печали...»	28
«...Осень. Осели осы на перекрестье оконном...»	29
«Меня в бессоннице настиг...»	30
«...И не о тех...»	31
Двадцатипятилетие	32
«Во поле чистом оглохшая мгла...»	33
Одиночество	34
«Вот говорят: Не стоит пить...»	35
«Опять со мной моя бессонница...»	36
Прошлое	37
Подражание Тютчевскому	38
Сумасшествие	39
Неоконченный черновик	40
Из деревни – бывшим	41
На пороге	42
В парке	43
«Бросить вёсла, и парус тугой опустить...»	44
«...Пугливой мыслью не объять...»	45
«Жизнь выправляет крен, с лихвой хлебнув гульбы...»	46
Деревня	47
«Птицей Русской обещано песню дивную спеть...»	48
Спаситель	49
«Неможется от голода сердечка неостылого...»	50
Вологда	51
«Здесь всё чужое: улицы, дома...»	52
Два стихотворения	53

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Анатолий Богатых

Под уездной звездой

«В последней правде и в любви последней....»

С автором этой книги мы знакомы больше тридцати лет. Мы вместе начинали, учились на одном курсе в Литинституте, жили в одном общежитии. Большую часть представленных в книге произведений я знаю многие годы и перечитываю при всякой возможности. Наши личные отношения складывались непросто, хотя серьезных идейных разногласий и эстетических расхождений у нас, в сущности, было немного (а с годами их стало ещё меньше). И я, как и большинство однокурсников наших, с первых же дней почувствовал в Анатолии человека незаурядной одарённости.

Литературный институт того времени был поистине «оазисом свободомыслия». Наш курс был набран за год до смерти Брежнева. Замечательные преподаватели читали нам на лекциях запрещённые стихи Ходасевича и Георгия Иванова, а по общежитию из рук в руки передавались полуслепые ксероксы «ардисовских» изданий. Дряхлеющий ректор Пименов, чья рука, по его собственному признанию, закрыла добрый десяток театров, теперь старался ни во что особенно не вникать. А либеральный проректор Евгений Юрьевич Сидоров без всякого удовольствия корил в своём кабинете замеченного в инакомыслии студента, и этим инцидент, как правило, исчерпывался. Однако даже при таком раскладе и уже в пору начинающейся перестройки диплом Анатолий Богатых защитил не сразу. Ещё в 1986 году кафедра творчества сочла представленные им стихи «белогвардейскими». Но уже через два года, когда в московских журналах напечатали Гумилёва и «Собачье сердце» Булгакова, дипломная работа Анатолия Богатых практически с теми же стихами была защищена на «отлично».

* * *

Традиция высокой патриотической лирики в нашей поэзии фактически прервана. Более того, существует как бы негласное либеральное табу на стихи о России. Да и само слово «русский», где возможно, политкорректно заменяется на «российский». Эти либеральные фобии своими корнями уходят отчасти в советские времена. В брежневскую пору «свободомыслящий» пиит считал для себя зазорным воспевать отечество. Потому что в перечне гражданских тем стихи о Родине (с ненавистной Набокову прописной буквы) через запятую стояли со стихами о партии, шпалах БАМа и прочей идеологической дрянью. Для дебютанта такие вирши были обязательным «паровозом», вывозящим всю подборку, печатавшуюся в престижной центральной прессе.

Русская тема словно была отдана на откуп графomanам консервативного направления. Бывали, разумеется, замечательные исключения и невероятные прорывы. Достаточно вспомнить Николая Рубцова, поднявшего патриотическую лирику на классические высоты. Но в основном качество стихов, и поныне печатающихся в «Нашем современнике» или в газете «Завтра», оставляет желать лучшего. Даже поэзия позднего Юрия Кузнецова захлебнулась в потоке невыносимой риторики.

Думая об Анатолии Богатых и его стихах, невозможно не прийти к выводу, что перед нами – поэт в определенном отношении уникальный, один из редчайших и чистейших гражданских лириков последних десятилетий. И, как водится, поэт недооценённый, почти не услышанный, несмотря на три изданные книги, несмотря на солидные подборки в столичной печати («Знамя», «Октябрь», «Континент»). Такова специфика нынешнего глухого и жестокого вре-

мени, как писал я в другой работе, посвящённой творчеству рано ушедшего от нас Евгения Блажеевского, тоже поэта практически не услышанного и тоже – в своем литературном поколении – одного из редких гражданских лириков (хотя и несколько на иной манер, чем Анатолий Богатых).

* * *

Двадцатый век оказался едва ли не самым страшным веком в истории России. Но даже подцензурная поэзия в своих лучших образцах сумела выразить ужас и отчаяние «при виде того, что совершается дома»:

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.

(Н. Рубцов)

Анатолий Богатых в определённой мере наследует Рубцову и другим не столь отдалённым предшественникам. Только его поэзия более откровенна, более беспощадна в своих констатациях, менее прекраснотушна в своих чаяниях:

Та земля, что когда-то здесь жизнью звалась,
та земля, за которую кровь пролилась,
обернулась большой и мертвящей пустыней,
никому не нужна, – и деревни пустые
в ней с земли исчезают, землёй становясь,
в ней поля не рожают и вечная грязь
непроезжих дорог...

Это сердце России.

...нас всех Владыка призовет, и примет,
и души наши благодатью летней
в последней правде и в любви последней
соединит; и враг врага обнимет,
и цвет знамён в один сольётся цвет...

Россия для Анатолия Богатых не просто отчизна с любимыми «родными пепелищами» и «отеческими гробами». Родина для поэта – еще и высшая метафизическая ценность. Горсть русской земли в качестве оправдания прожитой жизни преподносится Богу на Страшном Суде:

...В день Воскресенья, взрывая гробы,
встанем на страшную песню трубы,
с плеч отрясая могильную тьму,
и в о п р а в д а н ь е протянем Ему —
хоть под ногтями! – немного земли,
той, о которой мы лгать не могли,
той, на которой извека стоим —

нищей, голодной, —
возлюбленной Им...

* * *

В свое время Антон Дельвиг говорил, что «ухабистую дорогу не должно описывать ухабистыми средствами». У Анатолия Богатых даже откровенная эротическая лирика не вызывает вкусового отторжения: спасает от срывов разборчивый художественный инстинкт её автора, возвышенность и «нестадность» его словаря.

* * *

Есть у Анатолия Богатых ещё одна тема, на которую хочется обратить особое внимание, – это тема больной, «раскалённой» совести. Для меня нет сомнений, что она ведёт своё происхождение от Достоевского, любимого писателя Анатолия. Особенно ярко эта тема раскрывается в его великолепной, начала восьмидесятых годов, «Московской поэме». Я не знаю в нашей нынешней поэзии другой такой вещи, где столь пронзительно и нериторично изображена чужая трагедия, стыд за собственную непричастность к ней и стыд за тех, кто этой непричастностью невольно, по-животному, счастлив («И холодочек счастья по спинам полз распластанным зверьком: «Не я! Не я!»).

Немало у поэта покаянных, «самоказнящих» стихов, генеалогически восходящих к пушкинскому «Воспоминанию» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»):

...Ещё потерь своих – на полпути —
не сознаёшь, влюблённый в звон таланта,
но поздней ночью у бессонной лампы
взгляни в себя, как в книгу, и прочти
всё сызнова. Иль – как бесстрастный врач —
рукой умелою спокойно и без дрожи
сними с души покров отмершей кожи, —
гляди в себя и, если можешь, плачь...

Анатолий Богатых, составляя свою книгу, поступил достаточно смело, включив в неё ранние стихи из неопубликованной рукописи «Городская окраина». Эти вещи, местами несовершенные, написаны ещё до Литинститута. Поэт не публикует эту рукопись самостоятельным циклом, различные стихи из «Городской окраины»

включаются автором в более поздние и зрелые разделы. Но несмотря на несовершенство, стихи из «Городской окраины» смотрятся в книге довольно органично. У меня вообще такое ощущение, что, взрослея как человек и совершенствуясь как художник, Анатолий Богатых всю жизнь пишет одну и ту же книгу. И хочется пожелать её автору, чтобы эта книга (хоть когда-нибудь!) была по-настоящему прочитана и по достоинству оценена.

Игорь Меламед

...От ямщика до первого поэта,
Мы все поём уныло. Грустный вой
Песнь русская...

Пушкин

«Не буди этот вечный и страшный покой...»

Не буди этот вечный и страшный покой,
где немые могильные камни застыли,
где сожжённых усадеб забытые были, —
над великой рекой, под уездной звездой.
И дыханию ночи с порога дивясь,
слушай шорох и шёпот дождя торопливый,
слушай кроткого ветра сквозные мотивы, —
как чужого наречья неясную вязь.

Та земля, что когда-то здесь жизнью звалась,
та земля, за которую кровь пролилась,
обернулась большой и мертвящей пустыней,
никому не нужна, — и
деревни пустые
в ней с земли исчезают, землёй становясь,
в ней поля не рожают и вечная грязь
непроезжих дорог...
Это сердце России.

Под уездной звездой

«...Когда ушедший день зарёй обужен...»

...Когда ушедший день зарёй обужен,
когда длиннеет список злых обид,
и жизнь не в жизнь, когда душа – обуза,
а под ладонью сердце близкое болит, —
ты слышишь звук, то стих диктует Муза.
О счастье наше, Русский алфавит!

Ночным огнём в глухих дорогах дальних,
глотком воды на выжженном песке, —
пьянит меня мелодия печальных
слов нескольких на отчем языке...

«Бывает, молча куришь без огня...»

Бывает, молча куришь без огня,
читаешь иль клонишься над работой,
и вдруг негромко позовёт меня
невидимый и беспокойный кто-то.
И представляется полупустой вагон,
слезятся стёкла, и поля в тумане,
кочевье громкое проснувшихся ворон, —
всё-всё, что сердце жалостию ранит.
На переезде одинокий дом,
бельё намокшее (хозяйка позабыла),
уже рассвет, но ни души кругом, —
всё-всё, что сердце Русское любило
и любит, ревностное, поверяя снам,
за безысходность бытия земного,
за безнадежность, за тоску, за срам
минувшего...
Не надо мне иного!
Вот э т о Родина. Куда ей без меня?
Куда мне без неё, на край ли света?
(Ты молча куришь, в доме нет огня.)
Я знаю, что тебе курить до света,
молчать и думать, дожидаясь дня,
и спрашивать её...
И ждать ответа.

«Зачем живу, зачем плыву...»

Зачем живу, зачем плыву
в потоке дней, в круженье лиц?
Мой дом не здесь, я здесь живу
по праву перелётных птиц.

Мой дом не здесь, я здесь гощу.
И выходя один во тьму,
знакомый горный свет ищу —
привычный глазу моему.

Мой дом не здесь, мой дом – звезда,
высок, высок её венец, —
но так не долог путь туда,
где Мать не спит, где ждёт Отец.

Взмахну крылом, – поля у ног
качнутся, поплывёт жнивье.
И на земле отбудет срок
бездомье вечное моё.

И над травой родных могил,
над чистотою светлых книг,
над болью тех, кого любил,
зайдётся мой
прощальный крик...

«...В день Воскресенья, взрывая гробы...»

...В день Воскресенья, взрывая гробы,
встанем на страшную песню трубы,
с плеч отрясая могильную тьму,
и в о п р а в д а н ь е протянем Ему —
хоть под ногтями! – немного земли,
той, о которой мы лгать не могли,
той, на которой извека стоим —
нищей, голодной, —
возлюбленной Им...

«Как живётся тебе на далёкой планете...»

Как живётся тебе на далёкой планете
в благодати житейской, с удачей в руке?
Не с тобой ли счастливые, сытые дети
говорят на родном – на чужом! – языке?

Но однажды...
однажды ты вспомнишь иное:
снег слепящий, другое свечение луны;
ветер плачет, и рвётся, и стонет, и воет
над простором забытым несчастной страны.

И тогда...
и тогда, отрешившись от блуда
срамословья, ты в памяти ясной познай
тёмный край,
светлый край ожиданий прощенья и чуда,
кроткий край,
страшный край, где тебя и в глаза называли иудой, —
этот грешный, святой —
и потерянный рай...

«...Ещё потерь своих – на полпути...»

...Ещё потерь своих – на полпути —
не сознаёшь, влюблённый в звон таланта,
но поздней ночью у бессонной лампы
взгляни в себя, как в книгу, и прочти
всё сызнова. Иль – как бесстрастный врач —
рукой умелою спокойно и без дрожи
сними с души покров отмершей кожи, —
гляди в себя и, если можешь, плачь...

«...но почему-то...»

...но почему-то,
когда услышу Родина, то мне
увидится и призрачно и смутно
не лунный свет на бархатной волне,
не зимний снег, не летний белый день
и не весны зовущие тревоги,
а та пора, когда и думать лень,
и клонит в сон, и странно телом слаб, —
продрогшие поля, разбитые дороги
и лица тёмные усталых Русских баб,
погасшие в заботах их убогих,
нависшие так низко облака.

И долгая – и вечная тоска.

Когда не верится, что есть и жизнь, и свет,
и смех людей, и людные места, —
а только эта церковь без креста,
холмов окрестных нищий силуэт.
И в колеях глубокая вода.

И колеи уходят в никуда.

«У врат чистилища душа...»

У врат чистилища душа
одна стояла... Ангел белый,
её оставив, не спеша
прочь уходил. Звездой горела
Земля, и брошенное тело
в ней остывало, не дыша,
не размыкая хладных уст.
Душа глядела виновато
на тело, бывшее когда-то
рабом – бесчестья и безумств —
ей, неразумной, но крылатой, —
и почитавшей божеством
себя, высокую – родством
случайным связанную с телом.
Душа растерянно глядела,
как – угасая – зыбко тлела
Земля малиновой звездой,
далёкой – и чужой отныне, —
и понимала, что в пустыне
всеискупленья ледяной
ей, жившей на Земле рабыней,
за всё ответ нести – одной...

«На простенке тенью птицы...»

На простенке тенью птицы
ветви тень впотьмах качается.
Со среды всегда не спится,
день вчерашний не кончается.

Отогнали сон, похитили
сон дневные обстоятельства.
Омрачила Лик Спасителя
тень Иуды, тень предательства.

Серп небесный уже, уже...
Тонешь, тонешь в душном омуте,
не осилить этот ужас —
ужас ночи в белой комнате,
в колдовском мерцанье месяца.

Мышь скребётся за обоями.
Мысль моя – по кругу мечется,
моё сердце – с перебоями.

До утра не спишь, а маешься.
Одному куда как весело...
Всю-то ночь понять пытаешься,
что там жизнь накуролесила...

Ночью

Вот моё сердце. Возьми и спрячь
в ладонях своих ласкающих.
Как этот мрак над землёй горяч,
безжалостно обжигающий!

Жил неумеючи, что-то кропал;
петляла судьба некроткая.
Боже мой Господи, я и не знал,
что жизнь такая короткая...

Господи Боже мой, помоги
мне перемочь уныние!
Что́ мне друзья мои, что враги —
т а м, где душою ныне я?

Там я один. Только Ты со мной.
Веруя в милосердие,
перепишу этот путь земной
детской —
из самого сердца —
слезой
с раскаяньем и усердием.

«...Теперь всё чаще представляю...»

...Теперь всё чаще представляю:
однажды ночью смертный сон
ко мне придёт, – и станет явью
погожий полдень похорон.

И странно думать мне о том,
что этот рай и этот ад,
весь этот мир, —
«Под сим крестом...», —
что жизнь моя – вся целиком
вместится в п р о ч е р к е меж дат...

«Наверное, счастлив, кто видит пейзаж за окном...»

*Но как странно – во Франции, тут,
Я нигде не встречал мухомора.*

Наверное, счастлив, кто видит пейзаж за окном,
где празднуют вечное лето и солнце стрекозы,
где берег лазурный обласкан весёлым лучом,
где синее море, и рыжие пляжи, и розы...

Мне снится другое: сияющий северный снег,
обмёрзшие стены, проросшее звёздами небо,
ночное зимовье, где горькую пьёт человек,
где быть я хотел, – и где я не случился и не был.

Увы, не пришлось мне себя испытать на излом,
и юность вдовела без строгого, мужнего долга.
А властная Муза, задев своевольным крылом,
диктуя своё, увела далеко и надолго.

Средь ночи проснёшься, холодным разбуженный сном,
замрёшь, отирая мужские, колючие слёзы.
А снится всё то же: земля, опалённая льдом.
Не синее море, не рыжие пляжи, не розы...

В болезни

Это было в прошлом веке,
в бывшей жизни, в стольной мекке...

Брёл чужак с мечтой о славе,
о Железном Дровосеке
думал, мощь его представляя.
Думал, дал Господь здоровья
на троих и доброй крови,
кости тонкой, жилы прочной,
мысли дерзостной и прочей
благодати...

По присловью,
есть чем жить и днём, и ночью, —
пей, гуляй, греша любовью!
Думал, век не будет сносу.

Что, дружок, остался с носом?..

Котельнич

...Вёрсты и дни листая,
прошедшему помня цену,
дом за собой оставя,
любимой своей измену,
словом, в дороге новой,
там, где в снегу-пороше,
встречая вагон почтовый,
почтовая дремлет лошадь,
лютой тоской гонимый
через Уральский Камень,
снег с её морды милой
отряхивая руками,
будто бы в гнутых стёклах,
в глазах отражаясь длинно,
чуть вздрагивая от тёплых
шершавых губ лошадиных,
бегущий – куда не зная,
бредущий – к последней круче,
стою я, слезу глотая,
любимой своей измучен,
на пересадке третьей
такую родную душу
на севере вятском встретив,
так говорю ей: «Слушай!
Наши сошлись дороги,
оба мы одиноки,
с судьбой разберёмся сами.
Давай поженимся, лошадь!
Будем рожать, хорошая,
лошадушек, малых крошек».
И лошадь прядёт ушами.

...Всё понимает лошадь.

1979; из рукописи книги «Городская окраина»

«...Закат. На земле темнеет. Небесные блещут блики...»

...Закат. На земле темнеет. Небесные блещут блики.
Лежит на земле, не тает, сырая густая мгла.
И горек дым сигареты – невкусный, душащий, липкий.
И горечь сдавила горло, гортань твою обняла.
О чём ты, дружок, горюешь, чего ты добиться хочешь?
И куришь, и на ночь глядя теребишь в руках пальто?
О чистой своей, о верной, о вечной любви хлопчешь? —
Птицы в таком наряде не видывал здесь никто.
Представь на земле живущих, о тьме столетий подумай.
Узнаешь, как жили люди не хуже тебя умом,
как мучились, как страдали... Но – радостный иль угрюмый —
все на земле находили пристанище, а не дом.
Молясь о Слове, о даре, лбом прижавшись к иконе,
цепью гремишь земной иль в облаках витаешь.
Понял о жизни то, что ничего не понял.
Знаешь о ней одно – что ничего не знаешь.

Не повезло, не случилось... В судьбе такое бывает.
Попробуем вновь подняться, взглянуть на Небесный свет.
Видишь, заря играет, и ветер всюду раздувает
пленительный и прекрасный – сегодняшний твой рассвет.
Как свеж и морозен воздух! Погасли звёздные блики.
...Есть истины для поэта, одни на все времена:
в любых переплётах странствий ему не изменят книги,
и дом его – поднебесье, и Муза – ему жена.

«Сон мне: тракт малоезжий, протяжен и дик...»

Сон мне: тракт малоезжий, протяжен и дик.
Песню вою на долгий – на Русский – салтык.

На распутьях кричу, сам себе печенег:
– Есть ли во поле жив хоть один человек?!
Как живёшь без креста да без веры отцов?

– Лишь глазницы пустые, провал их свинцов.
– Лишь пустые глаза у живых мертвецов.
– Лишь молчанье в ответ. Этот мир – не жилец.

Вот и сказочке нашей приходит конец.

Ах, во снах зелена, изумрудна трава!
Как шелка мурава! А проснёшься – мертва.
А очнёшься – похмельно болит голова,
опоённая ложью...

Часу в шестом

Надоело. Надоело.
Я сегодня пью вглухую.
Я сегодня, грешным делом,
в одиночестве тоскую.

Хоть бы кто зашёл однажды, —
хоть Алёшка, граф продажный,
хоть каприйский буревестник,
хоть братан их, Ванька Каин,
хоть из нынешних балбесов,
хоть поганый мент, хоть каждый
мимошляющий татарин...

Всё равно. Подыдем вместе
за Отечество – без бесов,
за Россию – без окраин!

«...Две рюмки – похмелье, вареньице к чаю...»

...Две рюмки – похмелье, вареньице к чаю.
В домашнем застенке на лире бряцаю.

Осенний мотив навязался с утра:
– Мы вольные птицы! Пора, брат, пора...

«Всё о печали, друг мой, о печали...»

Всё о печали, друг мой, о печали...
Поговорим с тобою до утра.
(Ты не заметила, как нынче странно стали
темнее дни, яснее вечера? —
Об эту пору вечной Дикой Степью
к орде поганых шла святая рать...)
Вино откроем и свечу затеплим.
Не засыпай, ещё не время спать.
Будь милосердна. Мне в такие ночи,
когда лежишь измученный, без сна,
приходят мысли тёмные – и точат.
И страшен крест молчащего окна.
И страшен мрак, таящийся повсюду.
Как вспомнишь – многая текла вода,
а мертвецы не встали никогда,
и не дожидаться Воскресенья чуда.
Как вспомнишь, сколько их ушло тогда,
где так и жили, – с верой, но без Бога,
*где жизни запрессованы в года,
а кости запрессованы в дорогах,
в дорогах, уходящих на восток
такой огромной выстраданной ложью,
что в поезде «Москва – Владивосток»
зайдётся сердце непонятной дрожью.*
Умытый кровью, в чарованье навьем,
лежит простор – века веков! – страны.
Безумьем дедов и отцов бесславьем
мы от зачатья нашего больны.

И кровь отмщенья ждёт...

«...Осень. Осели осы на перекрестье оконном...»

...Осень. Осели осы на перекрестье оконном.
Гроздьев красным-красно. Грузен жёлтый закат.
Из дому выйдешь – осень. Льнут к ладони со звоном
лисые лица листьев, лапятся – и летят.

Осень. Земные оси к небесным легли положе.
Мёрзнет звёздная россыпь. В изморози водосток.
К ночи острее воздух. Поздний спешит прохожий.
В гулком проулке глохнет подкованный каблучок...

«**Меня в бессоннице настиг...**»

Меня в бессоннице настиг
один случайный миг видений:
созвучен мне чужой язык,
близки чужих преданий тени.

И – нелюбимое дитя —
в изгнанье дальнем и сладимом,
земле оставленной не мстя,
живёшь не пасынком, но сыном.

И забываешь сушь, и зной,
и муку зим, и снег степной.

...И понял я, —
под чуждым небом
нам не найти чернее хлеба
и горше горького вина —
неволи, выпитой до дна,
познав свободу неземную,
а на земле и воли нет.

Лишь на Руси единой свет.

«...И не о тех...»

...И не о тех,
теперь забывших род свой.

Но – в одиночестве, как в странном сне,
вдруг ощутив знобящий знак сиротства —
во тьме ночной чредой явились мне:
и давний снег, багрённый Русской кровью,
и тени жён, познавших муку вдовью
(их долгий бабий крик до немоты),
и скорбных кладбищ Русские кресты,
там, на чужбине, – имена простые
фамилий славных, кость и кровь России.
(Т в о е й России, Господи, – прости
чужбину им, умершим и убитым.)

...Не мне ли знать,
что днём, для нас сокрытым,
нас всех Владыка призовет, и примет,
и души наши благодатью летней
в последней правде и в любви последней
соединит; и враг врага обнимет,
и цвет знамён в один сольётся цвет? —
Но плачу я, и горше плача нет,
когда ночами сны мне снятся злые, —
как навсегда уходят корабли,
как сохнут слёзы ясных глаз России,
рассеянные по лицу земли...

Двадцатипятилетие

Шалавой ночью выйду в город.
Фонарной строчкою пропорот
пространства тёмного кусок,
и тьма – опасная, как ворог —
забилась в каждый уголок.
А мне нужда подбить итог,
прожитых лет учесть сознание
и загадать ухода срок.
Нагим пришёл я в вечер ранний,
пришёл без имени и званья
в морозный мир, в январский сад.
Я стал богаче полузнанием,
я невесёлый прячу взгляд.
Мне отлюбилось время клятв,
мне ближе мир, где жить свободней,
где сад – просвечен и костляв.
Бреду в тоске иногородней.
Пообочь в беленькой исподней
берёзка жмётся у ларька, —
не одинок я в час Господний!
И ночь беззвёздная легка,
когда мигнут издалика
глаза собачьи в подворотне,
как два бессонных светлячка...

1981; из рукописи книги «Городская окраина»

«Во поле чистом оглохшая мгла...»

Во поле чистом оглохшая мгла.

...Сны безнадежны – и в каждом из них
тёмные лица сограждан моих,
вечная грусть глубоко залегла.
Выйдешь ли ночью, видишь воочью —
чёрные флаги простёрли крыла...

Во поле нашем оглохшая мгла.

...Только волнуются тени живые
мёртвых теней, да идут постовые —
страшен и тяжек размеренный шаг, —
душу обыщут, и взвоешь в кулак.
Ох, как дороженька узкая зла...

Во поле Русском оглохшая мгла.

Одиночество

Небо с пёстрой землёй смыкая,
буйство красок земных смиряя,
чёткость линий дневных стирая,
мгла вечерняя – мгла сырая —
опускалась на землю рано.
Воздух в клочья сбивался странно,
на ветвях зависая рвано, —
воздвигалась гряда тумана,
беспросветная и глухая.
Было зябко, и зыбко было.

Било десять. Дорога стыла
льдом весенним. Двенадцать било.
Небо Млечным Путём пылило.
В переплёты окна сквозило,
сквозняками тянуло с пола.
И стоял я, смятеньем скован,
нетерпенья и смуты полон.
И луна, голуба и пола,
из фабричной трубы всходила,
половинной мерцающей долей.

Пополночи час и боле
било смутно. Мои мозоли
костенели. Без сил, без воли —
обрастал я пером. И в боли
удлинялись мои лопатки.
Когти в пух обрамлялись гадкий.
И рассвета стыдясь, украдкой
подоконник покинув гладкий,
полетел я над Русским полем,
непривычным крылом махая.

«Вот говорят: Не стоит пить...»

Вот говорят: «Не стоит пить,
всю жизнь паря за облаками,
что н е т тебя, что ты не с нами
и что нельзя с тобою жить...»
Всё так.
Но так тому и быть.
А каково м н е – т р е з в ы м – с вами?!

«Опять со мной моя бессонница...»

Опять со мной моя бессонница,
ночное тихое житьё.
Опять устало лампа клонится —
и жёлт, и жалок свет её.
Но, отгороженная шторами,
по эту сторону окна
мерцает странными узорами
моя надменная страна.
Моя держава сероокая
проступит медленно во мгле,
в небытие уйдя истоками,
вся уместаясь на столе.
Тяжёлой венчанной короною,
я слышу подданных моих.
И Муза – гостья непреклонная —
ко мне ведёт покорный стих.
И – гостья гордая – Музыка,
печалась пленною струной,
изысканнейшим из языков
в тиши беседует со мной.
И – не пьянея – пьёшь дарованный
напиток светлый и хмельной,
земной свободой раскованный —
и этой властью неземной, —
пока за призрачными шторами
не проступил квадрат окна,
пока людскими разговорами
не прозвучала тишина...

Но над землёй моей устало
я руки бледные скрестил. —

И тьма была —
и светом стала.
И ночь плыла
светло и ало
в согласном трепете светил.

Прошлое

Нынешней ночью – кромешных потёмок
глубь созерцая – придумалось мне:
в доме оставлен ослепший ребёнок,
взрослыми брошен...

Бревно на бревне,
дом оседал. Неразумные твари
стены точили, и пахло грибком
в комнатах дома. И было по паре
тварей на стену. И восемь – на дом.
Немощный, бледный, со слабостью в теле,
белые в тьму упирая зрачки,
мальчик вжимался в простенок; и пели
странную песню слепые сверчки,
дом разрушая, из стен выпуская
живших когда-то людей голоса.
Слов проплыла шелестящая стая,
слуха коснувшись...

Смежая глаза,
он обмирает и голову клонит,
тёмной, неведомой силой влеком, —
падает на пол, уткнувшись в ладони,
нож ощущая шестым позвонком.

Подражание Тютчевскому

... Душа устала быть душой, —
в её раздвоенности, в той
неразрешимости слиянья
сиянья утреннего с тьмой
глухой, полнощной, густой —
её вседневные метанья
и ежедневный подвиг твой, —
душа устала быть душой...

Сумасшествие

Свет ли фонарный, свеча ли в руке —
странно мерцают за чёрным стеклом
в круглом окошечке слуховом
дома напротив, на чердаке;

в ближнем к фронтону. Загадочный свет,
зыбкий. И полночь недавно пробило.
Полночь пробило. Нечистая сила
в проклятой – Богом забытой – Москве

шабаш справляет... В полночной Москве.
Шабаш в столице безбожной и вольной,
бесчеловечной, бесколокольной,
Бога забывшей. Загадочный свет

гаснет. К тому же теперь Рождество,
месяц восходит с рассветом – у края
неба крадётся, чтоб не украли.
...Сыплются стёкла, разбившись, и в створ

тени выходят, светясь наготой.
Выйдя на гребень, застыли у труб —
холодно голым стоять на ветру,
снег приминая разутой ногой,

переступая... Со стуком и храпом
чёрные кони явились гуськом, —
шестеро взмыли густым косяком
на юго-запад.

Неоконченный черновик

Под нами нищая земля,
бездушная звезда над нами.

Мы воспалёнными губами
слова пощады и прощенья
в надежде шепчем – нет спасенья! —
бездушная звезда над нами.

Сухими скорбными словами
мы славим смертное веселье,
и наше тёмное похмелье
в чужом пиру – с р е д и Ч у м ы,
и землю, что любили мы,
и землю, что любила нас,
и влагу жалкую у глаз,
и страх – прощенья моля —
мы славим скорбными словами.
Будь проклят век, родивший нас!

Под нами нищая земля,
бездушная звезда над нами.

Из деревни – бывшим

*Чего добились вы? Блестящего расчёта:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.*

Здесь по ночам светло. На щёлк и посвист птичий
струят созвездья свет, неясный до поры.
Здесь сутки напролёт плотину-невеличку
городят на реке усердники-бобры.

(Всё нужное – в душе, всё прочее – излишки.)
Здесь по утрам в окно накат и плеск листвы,
а ввечеру огонь в печи и шелест книжки.
... Чего добились вы, лишив меня Москвы?

На пороге

Близятся сроки, – и голос мой глуше,
слово прозрачней, смиренней мечта.
Глянешь окрест ли – всё мёртвые души,
в душу ли глянешь – в душе маета.

Славы хотел он – и не было славы.
(Позже ты понял, светлея лицом,
что и не надо бесовской отравы, —
с л а в ы —
среди мёртвых прослыть
м е р т в е ц о м, —
многого стоит, да малое значит.)

Но заходила хмельная удача
в мой полуночный незапертый дом,
мокрые ножки у печки сушила,
рученьки грела над поздним огнём,
песенки пела – да сердце пьянила.

Счастлив он был, – ему недруги мстили,
грустная Муза с ним дружбу водила,
жёны ласкали и девы любили, —
где мои годы? Пропали, уплыли, —
пыль? или дымный туман позади?
облак ли лёгкий? гляди не гляди —
в с ё маета. Да беда впереди.

Не разминёшься, дружок.
Выходи.

В парке

– *Если завтра война, если завтра в поход...* —
обрывая рыданиями фразу,
полупьяный калека в аллее поёт —
однорукий циклоп,
одноглазый...

И фуражку, глухую к людским пятакам,
и провал под повязкой незрячий
возмущённые туши гуляющих дам
заслоняют от взглядов ребячьих.

Я смотрю со скамейки вослед пацану.
Как он весел! Ах, как он смеётся!
Мы про наших и немцев играли в войну,
про кого же ему доведётся?..

1979; из рукописи книги «Городская окраина»

«Бросить вёсла, и парус тугой опустить...»

Бросить вёсла, и парус тугой опустить,
И по воле течения безвольному плыть.

Без руля, по течению, спустя рукава,
Плыть на стрежне крутом, огибать острова.

Повторить наудачу смертельный изгиб,
Где в отчаянье прежде плывущий погиб.

Нет приюта душе, но и духу – оков.
И для пристани нет по бортам берегов.

Сам в себе заплутавший – во лжи расписной,
Не прельстит славословием берег родной,

Не заманит – надменный, холодный, чужой —
Окаянной свободой берег другой, —

Ни властям, ни народу тебе не служить,
Только вечному верить, в прекрасное плыть.

И в награду земную, в награду уму
Испытать поневоле суму да тюрьму.

Да в отместку за честность – литую петлю.
...Но светла твоя жизнь в темноте, во хмелю!

«...Пугливой мыслью не объять...»

...Пугливой мыслью не объять
разор-беду в родимом доме.
Опять страдать, опять стоять
на перепутье, на изломе.

Умы во мгле, сердца во зле,
но мы стоим себе, не тужим.
В какой стране, в какой земле
живём, какому Богу служим?

И не пора ль забыть слова
народ державный, сила, воля? —
ликует гордая Литва,
Орда бунтует в Диком Поле.

А мы под сволочью живём
который год, — и долги годы!
И обернулось тёмным сном
безумье гибельной свободы.

Кто проклял нас? Кого винить
в судьбе расхристанной? Откуда
считать позор — и хоронить
самих себя, но верить в чудо?

...И неизжитый детский страх
меня туда ведёт, где злая
стоит звезда сторожевая
в суконном шлеме — на часах...

«Жизнь выправляет крен, с лихвой хлебнув гульбы...»

Жизнь выправляет крен, с лихвой хлебнув гульбы,
и входит в берега угарных лет разруха,
и можно просто жить по линиям судьбы.
Душа жива...
О чём твоя хандра-присуха?

Как изменился мир! Оставшись при своём,
твои – и горний свет, и храм, и чувство долга
в плетении словес, в служении...
О чём,
людей посторонясь, печалишься подолгу?

Деревня

...Пустошь. Боры на песках да суглинках.
Память о прошлом былём поросла.
Будто бы жизнь, помолчав на поминках,
кончилась здесь и навеки ушла.

Господи, где он, блаженный покой?
Сирое поле, разверстое небо.
Запах бурьяна и чёрствого хлеба.
Близкое сердце болит под рукой...

«Птицей Русской обещано песню дивную спеть...»

*...в предвоскресном, чисто бирюзовом небе,
где сейчас просквозит звезда, где звезды
никогда не будет.*

Птицей Русской обещано песню дивную спеть.
Тёмным роком завещано на чужбине сгореть.

Но – лишённая вещного, нищетой дорожа —
Божьим даром да памятью богатеет душа.

Возгорается, теплится, разрастаясь в пожар,
Дар предвиденья вещего, обжигающий дар

Видеть юное, вечное, – пробуждения ждать
(Ночь и ночь над Отечеством, – ни души не видать).

Мрак туманный да слякотный, но пронзает его
Вера в связь нерушимую и в святое родство.

Честь, и совесть, и слово этой верой сберечь,
А покуда – постылая чужеземная речь,

И глухая, и тайная по России тоска,
И звезда твоя дальная – о пяти лепестках...

Спаситель

...И взяв Его – тая ознобный страх —
они над Ним в безумье злом глумились
в ночь с четверга, и обречённо бились
с холодной тьмой огонь и дым костра;
а Он, воззвав на крестный путь добра,
один за всех прияв венец и путы, —
скорбел душой – как жалок взгляд Петра,
как сладок поцелуй Иуды...

«Неможется от голода сердечка неостылого...»

Неможется от голода сердечка неостылого.
Любилось бы, да лапают другие, говорю я.
Зовёт в постель по праздникам – постылого, немилого.
С любимой без взаимности изводишь век, горюя.
Поизносилось времечко одежкой под заплатами.
Всё жду-пожду... Спohватится. Поймёт. Подскажут люди.
Обнимет и покается. Блудливой, виноватую.

Я ж и з н ь люблю по-старому.
О н а м е н я не любит...

Вологда

В дорогу проводы недолги.
Чужих домов не греет рай,
где Богородица на полке
и Чудотворец Николай.

Где пыль мучная по запечьям
осела памятью разрух,
и смотрит пристальная вечность
глазами острыми старух.

О боль больших и малых станций!
Здесь провожали до путей
кормильца в первую с германцем
и во вторую – сыновей.

...Им по ночам родной, красивый —
и не рождённый снится внук.
Они одни. Они всё живы,
сердец прощальный помня стук.

Проходит жизнь. Уходят силы.
Прекрасна молодость во сне,
где живы все!
Но спят могилы
в чужой и дальней стороне...

1980; из рукописи книги «Городская окраина»

«Здесь всё чужое: улицы, дома...»

Здесь всё чужое: улицы, дома.
Как будто сплю и сном угарным скован,
как будто я давно сошёл с ума,
я на себя гляжу как на чужого,
со стороны без жалости гляжу —
судья-палач, караю и сужу.

Казнь продолжается – и столб позорный врыт.
Стою один, лишён людского званья.
И точит боль, и гложет тёмный стыд
за тёмный стыд и боль существованья.

Мне в оправданье нечего сказать.
Как равный вам, пришёл я в мир несытый,
но никогда мне не поднять глаза,
в глаза людей мне не смотреть открыто.

За жизнь мою, за сладкий белый свет,
за нищий хлеб, замешанный с половой,
я благодарен вам, – и дела нет,
как нелегко из уст исходит слово.
Казнь продолжается. Ещё не вышел срок,
ещё душа не иссушила омут
страстей своих, ещё не мёртв порок.

...Но э т о т хлеб! но воздуха глоток,
по вашей щедрости отпущенных другому —
и мне доставшихся. Но вашей веры свет! —
когда для вас слова мерзавец и поэт
одно и то же...

Два стихотворения

1

На вокзале (в погоду метельную),
где буфетные столики в ряд,
человека без роду и племени
повстречал я в конце января.
В телогреечке незаштопанной,
в прохудившихся сапогах —
он людей просил полушёпотом
об оставшемся на столах.
Подбородок свинцовым отливом
неопрятной щетины пугал,
отвечали ему – кто брезгливо,
кто совсем ему не отвечал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.